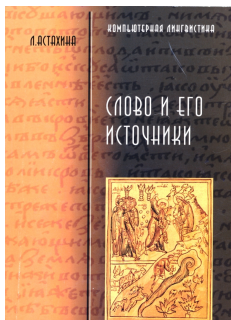

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Астахина Л.Ю. Слово и его источники: Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект / Послесл. Ю.Н. Филипповича. – М.: МГУП, 2006. – 368 с. – Книга в комплекте с CD ROM.

В монографии рассматриваются актуальные вопросы лингвистического источниковедения, которые позволяют решить проблемы определения значения слова, его исходного облика и его семантизации в историческом словаре.

Книга предназначена для специалистов-филологов и всех, интересующихся историей русского языка и работой с его источниками. Она будет полезна студентам и аспирантам, обучающимся по специальностям книговедения, информатики и вычислительной техники, компьютерной лингвистики.

Источниковедческие аспекты русской исторической лексикологии

Словарь – это воплощенный критерий
лингвистических теорий...

На смену человеку-лексикографу
едва ли придет машина-лексикограф.

О.Н. Трубочёв

Одной из главных особенностей лексики является ее тесная и непосредственная связь с жизнью народа – носителя и творца языка. Важная черта словарного состава – его открытость; внутри поистине безбрежного океана слов постоянно происходят сложные эволюции, приводящие со временем к переосмыслению тех или иных лексических единиц, к их утрате и появлению новых. Определить эти процессы наилучшим образом, описать и классифицировать их способна историческая лексикология.

Именно «за словом и за его смыслом всегда стоит нечто большее – коллективный опыт народа, его дух, его подлинное величие» [1]; ср.: «Исторический анализ – лишь производная форма непосредственного анализа самих говорящих субъектов» [3]. Таким образом, объяснительный потенциал исторической лексикологии для изучения многих лингвоментальных феноменов чрезвычайно высок. Однако для получения максимальных точных результатов необходима надежная база фактических данных, которые компактно сосредоточиваются прежде всего в исторической лексикографии. В свою очередь, при разработке словаря любого жанра, в том числе и диахронного, одним из исходных условий является строгая верификация источников: установление их точной датировки, зачастую – территориальной приуроченности и, конечно же, безукоризненно правильное прочтение текста, прояснение его семантики, начиная с определения значения каждого фрагмента, каждого сло-

ва, имеющегося в конкретном тексте. Ведь «каждое слово представляет собой особый микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной действительности или отклонений от неё» [2].

В монографии Л.Ю. Астахиной «Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект» освещается широкий круг проблем, относящихся к компетенции прежде всего лингвистического источниковедения, но при этом зачастую оказывающихся ключевыми и для историко-лексикографических и историко-лексикологических исследований, а также рассматриваются наиболее вероятные пути решения задач восстановления исконного облика слова и его семантизации в словаре.

Автором монографии проделана весьма значительная, трудоемкая и тщательная работа по обобщению опыта, накопленного отечественными лингвистами, которые занимались изучением древнерусских текстов и их публикацией, исследованием истории слов на протяжении письменного периода существования русского языка. Основной пафос этой книги видится в определении особой роли лингвистического источниковедения, его места в рассмотрении проблем эволюции словарного состава – от отдельных лексических единиц до лексико-семантических и тематических групп слов включительно – применительно как к исторической лексикографии, так и к исторической лексикологии. Причем Л.Ю. Астахина, исходя из собственного богатого исследовательского опыта, достаточно уверенно декларирует статус лингвистического источниковедения как самостоятельной отрасли науки, со своими общетеоретическими установками, своими категориями и методами.

Первая глава книги – «Слово в источнике» – посвящена анализу причин появления в публикациях историко-лингвистического профиля интересных во многих отношениях лексических единиц, которые, строго говоря, и нельзя так именовать, поскольку в языковой реальности они никогда не присутствовали и своим возникновением на страницах специальных изданий были обязаны некоторым обстоятельствам. Такие псевдолексемы (а иногда и словосочетания) квалифицируют с помощью различных терминов и терминоидов, например: «несуществующие», «фантастические», «призрачные», «слова-фантомы», «мнимые слова», «лексикографические фикции», «псевдонеологизмы». Л.Ю. Астахина предпочитает для обозначения подобных феноменов термин «псевдогапаксы»: «Термин **гапакс**... относят к слову, употребленному один раз в какой-либо ситуации... к слову, о котором ничего неизвестно, кроме его единственной фиксации» (С. 13–14). **Псевдогапаксы** же «стали фактом письменного языка, т.к. были зафиксированы в опубликованных памятниках письменности, иногда – в исторических словарях и в Картотеке ДРС, но их в языке нет и никогда не существовало» (С. 14). Автор рассматривает около ста впечатляющих примеров псевдогапаксов (еще свыше сорока перечислены в приложении), появившихся на страницах разных изданий, главные причины, по которым это произошло, видит в ошибочном чтении и понимании сплошного (без интервалов между словами) рукописного текста либо публикатором, либо выборщиком – при создании картотек – вследствие собственных заблуждений или некомпетентности. Чтобы обнаружить псевдогапаксы, весь массив

которых, как считает Л.Ю. Астахина, можно подразделить на десять групп в зависимости от так называемого «дефекта», из-за которого одно слово принято за другое (С. 40–47), «необходим не только тщательный лингвистический анализ текста, а иногда – чьё-то сомнение, догадка, лингвистическая зоркость лексикографа-историка, который встречается с массой еще никем не описанной лексики не изученных в филологическом аспекте источников» (С. 15). Кроме того, автор справедливо настаивает на разработке (точнее, может быть, совершенствовании?) методологии и методики исследования источников по истории русской лексики (С. 54).

О них рассказывается во II главе монографии. В качестве теоретических основ лингвистического источниковедения Л.Ю. Астахина приводит прежде всего положения, выдвинутые С.И. Котковым в его книге «Лингвистическое источниковедение и история русского языка», где, в частности, даются определение обобщенного понятия «лингвистический источник» и его разносторонние характеристики, благодаря чему разграничиваются понятия «памятник» и «источник». В развитие понятия категории «лингвистическая содержательность» автор рецензируемой монографии предлагает дифференцировать определяющие её критерии в зависимости от конкретного вида источника: является ли он так называемым естественно сложившимся текстом либо источником с заранее заданными свойствами и по происхождению вторичным. К последним относятся картотеки, лексиконы, словоуказатели – и словари. Совершенно справедливо, что «именно в словарях проявляется наибольшая обобщенность авторской мысли... Не только субъективный фактор накладывает отпечаток на лингвистическую содержательность такого источника, как словарь, но и культурное состояние общества, развитие других наук, влияющих на отражение языковых явлений в словаре» (С. 59). Что же касается именно исторической лексикографии, то в ней «каждая словарная статья – это маленькое исследование по истории слова» [4].

Далее автор в качестве главной задачи лингвистического источниковедения выдвигает подготовку и введение в научный оборот путем издания памятников письменности, а также развитие эдичионной теории, вслед за С.И. Котковым относя к понятию **подготовка** исследования памятника для издания и издание его для исследования (С. 65 и др.). Классифицируя разные группы источников (С. 65–70), Л.Ю. Астахина особое внимание оправданно уделяет разноаспектным характеристикам Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв., которая действительно «стала средоточием широких историко-культурных изысканий и своеобразным самостоятельным источником» (С. 71); оценивается лексическая содержательность КДРС, квалифицируются её особенности (С. 72–94).

В III главе монографии наиболее наглядным образом демонстрируется важность учета специфики источника для конкретного историко-лексикологического исследования. Соответственно, выделяются следующие варианты: источники, отразившие лексический процесс «от конкретного к абстрактному»; источники, отражающие смещение родовидовых соответствий в тематической группе; история лексико-семантической группы в источниках, естественно сложившихся, и в источниках с заданными свойствами (заслуживает особого упоминания изящный и точный историко-

лексикологический этюд, описывающий судьбы слов *игра, потеха, потешение, забава, веселье*) (С. 173–185); взаимодополняющие источники; источники, раскрывающие историю одного слова; источники, не выявляющие семантики слова.

Следует согласиться с тем, что «при правильном и достаточном подборе источников, естественно сложившихся, и источников с заданными свойствами можно проследить и описать историю лексических процессов, семантическую эволюцию отдельных слов, лексем регионального бытования, тематических и лексико-семантических групп слов во временном пространстве, начиная от первых письменных памятников языка. При определении круга необходимых источников первостепенная роль должна отводиться анализу их лингвистической (в частности, лексической) содержательности» (С. 214).

Пожалуй, почти совершенно самостоятельной значимостью обладает IV глава монографии – «К истокам лингвистического источниковедения», являющаяся своеобразной книгой в книге. Это развернутый и довольно подробный (С. 215–301) историко-научный очерк, в котором рассказывается о становлении и развитии отечественного источниковедения на протяжении более двух столетий. Здесь приводятся сведения (в том числе и малоизвестные) об основных этапах жизни и научного творчества таких исследователей-источниковедов, как Г.Ф. Миллер, И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, И.С. Барков, Н.И. Новиков, К.Ф. Калайдович, А.А. Шахматов, Б.А. Ларин и др.; некоторые эпизоды их биографий были подлинно драматичны: постижение истины и ее отстаивание даже и в академических дискуссиях далеко не всегда оказываются абсолютно благостными.

В заключение Л.Ю. Астахина подводит итоги своего несомненно полезного и интересного исследования. Правда, хотелось бы всё-таки более определенно уточнить, существует ли лингвистическое источниковедение в течение почти двухсот лет (см. с. 9, 304) или же оно зародилось в русистике в начале 60-х гг. XX в. (см. с. 7, 303), а также получить информацию о том, на какой стадии разработки находится сегодня неоднократно упоминающийся в книге академический обобщающий труд по русской исторической лексикологии. В тексте монографии встречаются также единичные самоповторы, что объясняется, на наш взгляд, как широтой круга охватываемых проблем, обилием фактического материала, так и вполне понятным энтузиазмом автора, пишущего о любимой науке, которой отданы многие годы жизни и повседневного кропотливого труда. Впрочем, это лишь частности; основное же, на наш взгляд, заключается в том, что достигнуты главные цели, ставившиеся автором: суммировать сведения о лингвистическом источниковедении, показать его тесное взаимодействие с русской исторической лексикологией при работе над историческим словарем, наметить новый подход к характеристике источников по истории русской лексики.

Литература

1. *Трубачёв О.Н.* Заветное слово: Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян. М., 2004. С. 18.
2. *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 32.
3. *Филин Ф. П.* Историческая лексикология русского языка. М., 1984. С. 16.
4. *Богатова Г. А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 125.

А.Д. Васильев,
д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания
Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева;

Л.А. Захарова,
канд. филол. наук, проф. каф. русского языка
Томского государственного университета